

ДЖЕННИФЕР
ДОУСОН

*Что это
за игра?*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д71

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Jennifer Dawson
THE NAME OF THE GAME

Перевод с английского *Е. Кирилловой*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Доусон, Дженнифер.

Д71 Что это за игра? : роман / Дженнифер Доусон ; [пер. с англ. Е. Кирилловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-094658-7

Профессор Джеймс Донован — ученый, человек, привыкший контролировать себя во всем и предпочитающий здравый расчет чувствам. Что же у него может быть общего с Грейси Робертс, прелестной белокурой хозяйкой кондитерской из маленького провинциального городка, обожающей развлечения, веселые шутки и пирожные? Вот уж правда — люди, совершенно неподходящие друг другу!..

Однако не зря говорят: противоположности притягиваются, а любовь не знает преград. И очень скоро Джеймс и Грейси понимают, что, как ни странно, разные характеры вовсе не помеха для любви.

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-094658-7 © Jennifer Dawson, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

— Как ты можешь пить эту бурду?

Грейси Робертс посмотрела на отвратного вида белковый коктейль в руке Джеймса Донована. Конечно, что он пьет, ее совершенно не касается, но почему-то стоило ей провести больше пяти секунд в обществе этого занудного профессора судебной антропологии, как у нее возникала непреодолимая потребность как-нибудь его поддеть. В свое оправдание Грейси, как кондитер, могла сказать, что одержимость профессора здоровым питанием противоречила ее натуре. Как можно доверять мужчине, который не ест сахар?

Профессор молча посмотрел на нее, приподняв одну бровь. Его зеленые глаза изучали Грейси сквозь стекла очков в тонкой металлической оправе с выражением, которое она могла бы назвать только пренебрежительным. Впрочем, это было его обычное выражение лица, когда он оказывался в ее обществе. Они познакомились полтора года назад. Стоило им разок взглянуть друг на друга, как они сразу же почувствовали взаимную неприязнь. И это было странно. За тридцать три года жизни Грейси редко доводилось встретить человека, который бы ей не понравился. Она любила людей, и они отвечали ей тем же. Ее мама, бывало, говорила, что такое количество обаяния, которое ей досталось от рождения, должно быть запрещено законом. И правда, у нее не было заклятого врага с восьмого класса: Кэти Уомак наврала Грегу Холберту, что у Грейси вши, чтобы он пошел на весенний бал с не с Грейси, а с ней. Но в итоге оказалось, что оно и к лучшему, потому что теперь у Кэти на шее пятеро детишек мал мала меньше, а Грег изменяет ей с какой-то крашеной

блондинкой из соседнего городка. Так что Грейси, можно сказать, повезло.

Грейси ответила профессору столь же пренебрежительным взглядом, они встали в стойку, словно два боксера, готовые к очередному раунду. Живя далеко от Джеймса, Грейси могла бы его избегать, но он приехал с ее лучшими друзьями. Ну и поскольку Грейси любила своих друзей, ей приходилось терпеть Джеймса. Грейси знала, что ей придется мириться с его присутствием, еще когда вызвалась отправиться в Чикаго и помочь Сесилии Райли переехать в прекрасный дом, который купили Сесилия и ее жених. Но от знания легче ей не стало. Грейси вздохнула: придется пострадать ради дружбы. Она сердито уставилась на Джеймса.

— На что это ты смотришь?

Мимолетный оценивающий взгляд.

— Ни на что.

Грейси знала, что не стоит к нему цепляться, но в это яркое солнечное утро ничего не могла с собой поделаться. В этом мужчине ее раздражало все. Вместо своего обычного наряда: коричневых слаксов и рубашки поло, — в котором он выглядел как страховой агент, сегодня на нем были джинсы и блекло-голубая футболка в стиле ретро с персонажами из фильма «Империя наносит ответный удар». Хлопковая ткань натягивалась на его широких плечах, груди и плоском животе, подчеркивая все твердые мускулы, которые он так старательно накачивал.

Грейси поставила руки на полные бедра — ей говорили, что у нее бедра как у модели с пинап-плаката сороковых годов — и бросила презрительный взгляд на его ужасное пойло.

— Почему бы тебе не выпить вместо этого побелки? Наверняка она будет вкуснее.

— В этом напитке содержится идеальное сочетание белков, углеводов и витаминов. — Джеймс посмотрел на стоящую перед ней бумажную тарелку, на которой лежал пончик, обильно посыпанный сахарной пудрой. — Чего не скажешь об этом чудовищном изделии из жира и сахара, которое заменяет тебе завтрак.

Да как он смеет так говорить?! Пончики нравятся всем. Их не любят только психи и извращенцы. Грейси уже открыла рот,

чтобы накинуться на Джеймса, но не успела — вошел старший брат Джеймса и спас его от разноса. Шейн раскинул руки, как рефери, который разводит в стороны противников.

— Давайте не начинать очередную серию войны по поводу еды. Ничего хорошего из этого не выйдет, а у нас впереди еще долгий день.

Сесилия рядом с ним кивнула.

— Мы ценим, что вы приехали на выходные нам помочь, но прошел всего час, а вы уже беспрерывно ругаетесь.

Грейси недовольно показала на Джеймса:

— Он первый начал.

Джеймс одарил ее неодобрительной гримасой. Кажется, он специально приберегал это выражение для Грейси.

— Это ты начала. Я просто стоял тут и никого не трогал.

— Ты оскорбил мой пончик!

— После того, как ты наморщила нос на мой коктейль.

Джеймс скрестил руки на груди, и под его кожей отчетливо проступили сильные бицепсы. Рельефные мускулы его рук на секунду отвлекли Грейси, но она быстро снова сосредоточилась и фыркнула:

— Коктейль! Назвать это пойло коктейлем — значит оскорбить все коктейли! Настоящий молочный коктейль делают с настоящим мороженым. И я имею в виду не замороженный обезжиренный йогурт, я говорю о...

Раздался оглушительный свист, такой пронзительный, что Грейси заткнула уши. Ее чуть не ослепил блеск бриллианта в чепчике карата — это Сесилия замахала рукой перед ее носом.

— Прекратите! У меня от вас двоих голова начинает болеть.

Шейн обнял Сесилию за талию своей большой рукой и привлек ее к себе.

— А расстраивать Сесилию разрешается только мне. — Он наклонился и поцеловал будущую жену в шею.

Сейчас, когда Шейн и Сесилия собирались пожениться, а другие друзья Грейси, Митч и Мадди Райли, недавно поженились, этот непрекращающийся праздник любви уже начал действовать ей на нервы. Грейси, конечно, была очень рада их счастью, но эта ситуация вынуждала ее слишком уж часто на-

блюдать откровенные проявления нежности. И Грейси была достаточно взрослой, чтобы признать, что она им чуточку завидует. Ей и самой нравилось иногда показать на публике нежные чувства, вот только не с кем было их показывать. Сама того не желая, она обходилась без секса вот уже больше года и из-за этого стала немного дерганой. Воздержание вовсе не входило в ее планы: Грейси нравился секс. И она часто ходила на свидания, вот только никто из мужчин не заводил ее настолько, чтобы она легла с ним в постель.

Грейси покосилась на профессора. Он всегда такой сдержанный, такой благопристойный. Небось думает, что целоваться на публике — такое же преступление, как есть пончики. Он и сексом, наверное, занимается только в миссионерской позиции и только при выключенном свете. Такой скованный мужчина наверняка в постели полный ноль — в этом Грейси даже не сомневалась. Хотя, конечно, она и думать не думала о том, каков Джеймс в постели.

Шейн коснулся языком кожи Сесилии. Грейси нахмурилась.

— Эй, прекратите. — Она показала большим пальцем в сторону профессора. — А то ему будут сниться кошмары.

Шейн впился губами в шею Сесилии, потом царапнул нежную кожу зубами. Сесилия так закатила глаза, что те едва не перевернулись задом наперед, и Грейси ее не винила. Шейн Donovan, в отличие от его брата, был явно не из тех, кто трахается только в темноте.

Джеймс глубоко вздохнул с выражением покорности судьбе.

— Ты снова умудрился забыть о моем присутствии.

Шейн поднял голову и усмехнулся младшему брату.

— Джимми, она думает, что ты ханжа.

Джеймс сначала нахмурился, а через несколько секунд молча покачал головой, словно Грейси была такой дурочкой, что на нее и слова тратить не стоило. Потом он подхватил со стола коробку с надписью «кухня» и направился к двери, на ходу бросив через плечо:

— Ты зарабатываешь уйму денег, так почему этим не могут заняться перевозчики, которых ты уже нанял?

Грейси сочла резонным этот вопрос.

— Эй, — сказала она, — а ведь он прав.

— Святые угодники, ушам своим не верю, неужели ты в чем-то с ним согласилась? — Шейн вытянул шею и крикнул вслед брату: — Джимми, ты слышал? Она с тобой согласилась!

— Я сделаю пометку в календаре и упаду замертво от сердечного приступа, — сухо заметил Джеймс и вышел за дверь, тем самым положив конец пятьсоттринадцатому раунду их нескончаемого поединка.

— Только и всего? Это все, что мне надо было сделать? — Грейси насмешливо улыбнулась Сесилии. — Подумать только, сколько времени я потратила зря.

Шейн прищурился. Глаза у него были зеленые — поначалу Грейси думала, что у всех представителей клана Донованов глаза совершенно одинакового цвета, но глаза Джеймса отличались оттенком, как холодноватая жесткая хвоя среди теплой зеленой листвы.

— Ты не можешь его не задирать? — спросил Шейн.

Грейси возмущенно подбоченилась.

— Я? Что я такого сделала?

— Не прикидывайся невинной овечкой. Ты его все время дразнишь. И занимаешься этим с того дня, как вы познакомились.

Шейн скользнул рукой по кухонной стойке за спиной Сесилии. Сесилия чуть поежилась, Грейси догадывалась, что он забрался пальцами под черный топ ее подруги. «Опять!» — Грейси вздохнула.

— Боюсь, он прав, — кивнула Сесилия.

Грейси закатила глаза.

— О-о, я тоскую по тем дням, когда вы не соглашались друг с другом по каждому поводу.

Сесилия усмехнулась Шейну. Несмотря на то что они таскали вещи, ее волосы, забранные в конский хвост, оставались в идеальном порядке.

— Я пытаюсь за что-нибудь на него разозлиться, но что-то никак не могу найти повод.

Шейн дернул ее за конский хвост цвета карамели и заметил:

— Наверняка ты скоро что-нибудь придумаешь.

— Как насчет того, что вы не наняли грузчиков? — подсказала Грейси.

Прошлой ночью ей пришлось услышать не много, а слишком много, и теперь она не знала, надолго ли еще ей хватит терпения выносить их любовное воркованье. Любовь. Рядом с этой сладкой парочкой и занудным профессором у нее возникало двойственное ощущение: то ли она попала в мюзикл «Моя прекрасная леди», то ли подглядывает в замочную скважину.

Рука Шейна устроилась на шее Сесилии.

— Грузчики приедут в три. Сисси хотела заняться самыми важными вещами сама.

Грейси постаралась не вести себя как мелочная особа, а показать своим друзьям энтузиазм, которого они заслуживали. Она улыбнулась счастливой парочке.

— Трудно поверить, что полгода назад Сесилия сидела на моем диване и плакала из-за тебя. И вот, пожалуйста, вы съезжаетесь и собираетесь пожениться.

Сесилия посмотрела на жениха, и в ее взгляде сквозило одно только восхищение.

— Безумие, правда?

Шейн коснулся губ Сесилии легким поцелуем. Грейси отвела взгляд. За шесть месяцев жизнь Сесилии совершенно изменилась. Из замкнутой, одержимой работой и погрязшей в жизни, которая ее не устраивала, она превратилась в жизнерадостную оживленную женщину. Она бросила работу политического консультанта своего отца, отказалась от упомянутого отца, наладила отношения с матерью и братом, открыла собственное дело как пиар-консультант, специализирующийся на улучшении имиджа, и влюбилась в Шейна.

А Грейси за это время даже не смогла ни с кем переспать. И большей частью по собственной вине, потому что постоянно давала мужчинам от ворот поворот. Хорошим мужчинам. Она помотала головой. Хватит об этом. У нее прекрасная жизнь. А секс и наличие парня вовсе не ключи к счастью. У нее есть все, что только может пожелать женщина: процветающий бизнес, хорошие друзья, прекрасный дом, в котором она живет с братом. Она сильная, самодостаточная женщина. А мужчины —

это дело второстепенное. Конечно, неплохо иметь мужчину, но это точно не главное.

В комнату неспешной походкой вернулся Джеймс. Он двигался с непринужденной грацией, и Грейси это раздражало. Она и сама не могла объяснить, почему он ей так сильно не нравился. В нем же не было ровным счетом ничего неприятного, за исключением привязанности к здоровому питанию и физкультуре. И он, как и его братья, этикие альфа-самцы, был довольно хорош собой, только в своем книжном стиле. При его росте в шесть футов два дюйма Джеймс был самым маленьким из троих парней Донованов, и хотя фигурой он мог соперничать с братьями, в его облике не было ничего угрожающего. Он был обыкновенным. Ничего выдающегося. И ничего отвратительного. С большинством мужчин, особенно безопасных, Грейси напропалую флиртowała и запросто льстила им, но по какой-то неведомой причине с Джеймсом она не могла вести себя так же. Может быть, потому, что в его манере смотреть на нее было нечто такое... как будто он ее раскусил. Что-то про нее понял. Но Грейси понятия не имела, что такое он мог о ней понять, чего она сама не понимала.

— Что? — спросил Джеймс.

Грейси вздрогнула от неожиданности, его голос вывел ее из задумчивости. Ее сердце подпрыгнуло, оно это иногда вытворяло, когда Джеймс напряженно сжимал челюсти и смотрел на нее таким суровым взглядом, как сейчас. Она небрежно отмахнулась.

— Да так, ничего.

Джеймс показал на коробки, составленные на кухонном столе.

— Ты так и будешь тут стоять или собираешься заняться делом?

Грейси фыркнула:

— Между прочим, я пришла сюда раньше тебя.

Он приподнял одну бровь.

— Но сделала ли ты хоть что-нибудь?

— Какой же ты зануда.

Грейси возвела взгляд к потолку и покачала головой. Как бы ей пережить этот день, не говоря уже о целом уикенде!

— Ты повторяешься. — Джеймс прислонился боком к разделочному столу, стоящему на середине кухни, и отпил еще немного своего мерзкого пойла. — Ты мне это уже два раза сегодня говорила.

Грейси попыталась придумать достойный ответ, но поняла, что Джеймс сумел поставить ее в тупик. Еще одна причина, по которой он ее раздражал. Грейси бы ни за что в жизни в этом не призналась, но рядом с ним она становилась косноязычной. Обычно это она заставляла нервничать мужчин вроде него, а не наоборот. Проиригнорировав Джеймса, она круто повернулась к Сесилии.

— Ты видишь, что мне приходится выносить?

Сесилия крепко сжала губы, чтобы удержаться от смеха. А Шейн спокойно заметил:

— Вроде ты сама это начала.

Сесилия шикнула на него и ткнула его локтем в бок, потом поманила Грейси пальцем:

— Ладно, хватит, давай начнем со спальни.

Шейн схватил Сесилию за запястье и потянул назад, потом наклонился и прошептал ей на ухо что-то, отчего у нее покраснели щеки. Когда он отпустил ее руку, она пошатнулась, потом выпрямилась и загадочно улыбнулась.

— Мы только заглянем туда, проверим, как там, ладно?

Шейн окинул ее долгим взглядом с головы до ног.

— Да, заглянем.

Грейси закатила глаза. Вот почему у нее секс на уме. Это все они виноваты. Сесилия повернулась кругом, высоко держа голову.

— Грейси, пойдем.

Когда Сесилия проходила мимо, Шейн шлепнул ее по заду. Она взвизгнула:

— Ой!

Шейн рассмеялся. Сесилия притворно нахмурилась, но широкая усмешка ее выдала. Грейси вздохнула с оттенком зависти и пошла за подругой вверх по задней лестнице. Ее целую вечность никто не шлепал.

Джеймс Донован в раздраженном благоговении смотрел, как Грейси поднимается по лестнице, тугие джинсы обтягивали ее

аппетитную задницу и ноги, достойные танцовщицы. Именно так, в «раздраженном благоговении» — эти слова довольно точно характеризовали чувство, которым был окрашен весь год его знакомства с этой женщиной. Обтягивающая красная футболка подчеркивала ее фигуру в форме песочных часов во всем великолепии, как только он ее увидел, его почти бросило в холодный пот. Если бы дело было только в теле Грейси, еще полбеды, но ее лицо с живыми глазами цвета васильков и неукротимой массой белокурых кудрей, упорно не желавших смириться, сколько бы она ни заправляла пряди за уши, являло столь же захватывающее зрелище. В ней странным образом соединились трогательное очарование и порочная сексуальность.

Джеймс стиснул зубы. Резкий всплеск желания беспокоил и тревожил его. Джеймс очень долго держал под контролем и свое тело, и свой разум, но влечение к этой белокурой секс-бомбе напомнило ему о тех сторонах его натуры, которые лучше было бы оставить в прошлом. Он в тысячный раз пожелал, чтобы Грейси кого-нибудь встретила. Она много ходила на свидания, но, насколько он мог судить, выбрасывала мужчин как использованные носовые платки в разгар эпидемии гриппа.

Когда Джеймс впервые увидел Грейси, она встречалась с шерифом. Когда она с ним рассталась, Джеймс был уверен, что она подцепит одного из его братьев. Женщины вроде Грейси всегда тянутся к таким мужчинам. Сначала Джеймс думал, что это будет Шейн, ведь они очень хорошо поладили. Но как только на горизонте появилась Сесилия, эта его надежда рассыпалась.

На свадьбе Мадди, его сестры, Эван, его младший брат, был в восторге от Грейси. Но, к удивлению Джеймса, она отвергла ухаживания Эвана с тем же добродушным обаянием, которое обращала на всех, кроме него самого. Джеймс до сих пор не понимал, почему она отвергла его младшего брата. Эван не слышал слова «нет» лет с четырнадцати. Ростом шесть футов пять дюймов, он был футбольной звездой, участвовал в Матче всех звезд. Но Грейси, хотя и флиртовала с ним самым бесстыдным образом, дальше не пошла. Она упрямо оставалась незанятой. И это раздражало Джеймса больше, чем если бы они с Эваном спали вместе. Если бы его брат занимался сексом с Грейси, она

бы стала для него неприкасаемой, и его проблема с ней была бы разрешена. Его размышления прервал голос Шейна:

— Ну, ты собираешься что-нибудь с этим делать?

Джеймс резко отвел взгляд от лестницы, по которой ушла Грейси, и положил ладони на мраморную столешницу разделочного стола.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Старший брат прищурился. В эту минуту, с этим выражением лица, он выглядел точной копией их отца, и Джеймс снова испытал тупую боль потери, которая никогда не проходила до конца, сколько бы времени ни миновало.

— Это напряжение между вами уже начинает раздражать.

— Это не напряжение, — ответил Джеймс бесстрастно, тщательно следя за своим тоном. — Это неприязнь. Есть разница.

Да, возможно, между ними и есть скрытое влечение, но совершенно ясно, что ни один из них не желает об этом и слышать. Уж Джеймс-то точно не желает. Ему всегда нравились женщины рациональные.

— Чуть собачья. Перестань ходить вокруг да около и реши эту проблему, пока у тебя яйца не посинели.

— Ты как всегда любезен. — Лицо Джеймса сохраняло бесстрастное и расслабленное выражение. Он очень старался, чтобы никто не узнал, как сильно он хочет Грейси, но Шейна ему, конечно, не удалось обмануть. — Если ты не заметил, она не моя поклонница.

— Для умного парня ты сморозил редкостную глупость.

Таким, как его братья, легко говорить. Если они видят то, что им нравится, то идут и берут это, не переживая о последствиях. Но Джеймс предпочитал, чтобы его жизнь была чуть более распланированной. И в отношениях с женщинами он был осторожен, хотя давно оставил в прошлом юношескую неуверенность в постели. Он посмотрел на Шейна, подняв брови.

— Мне нужно, чтобы моя партнерша меня как минимум уважала.

Шейн усмехнулся.

— Уважение сильно переоценивают. Переспи с ней и выкинь ее из головы.

Джеймс живо представил обнаженную Грейси среди смятых простыней, но прогнал этот образ.

— Не лезь не в свое дело.

— Я тебя совсем не понимаю.

Это было в порядке вещей. Джеймс никогда не был и не будет таким, как остальные братья Донованы. Их сестренка Мадди, хоть и самая младшая в семье, имела такой же огненный темперамент, как его братья. Джеймс давно смирился с тем, что он не такой, как остальные, а с той ночи, когда произошла автотрагедия, в которой погиб его отец, а сестра впала в кому, он перестал и мечтать стать таким, как они. Его братья и Мадди были импульсивными, а Джеймс — рассудительным. Они этого не понимали, и он их не упрекал. Трудно объяснить людям, которые обожают риск, что ему нравится жить упорядоченной жизнью. Он любит порядок и аккуратность. Именно дисциплина и организованность помогли ему выжить и стать тем человеком, которым он был сегодня. Они его спасли, и у Джеймса не было ни малейшего желания возвращаться обратно. Ему нравилось вести жизнь скучную и упорядоченную, даже если это означало, что его никто не понимает.

Конечно, как любой мужчина, сделанный из крови и плоти, он был бы не прочь лечь в постель с Грейси, забыться в ее теле и все такое. Но, рассмотрев эту ситуацию под разными углами, Джеймс не нашел практических причин удовлетворить это желание. Если бы вдруг она согласилась — а это крайне маловероятно, учитывая, что она совершенно ясно показывает свою неприязнь к нему, — то это было бы катастрофой. Они совершенно разные люди, можно сказать, полные противоположности, и дело кончилось бы тем, что она возненавидела бы его еще больше, чем сейчас.

Единственной положительной стороной был бы секс. Даже притом что это очень большой плюс, в конечном итоге он принес бы больше вреда, чем пользы. Инстинкт подсказывал Джеймсу, что ему лучше не знать, каково чувствовать ее под своими руками и губами. Не хватало еще, чтобы у него сохранилось воспоминание о том, как он входил в ее тело. Или что он чувствовал, когда она кончала.

Джеймс встряхнул головой, как будто мог таким образом стряхнуть опасные мысли. Если разобраться, он и Грейси несовместимы друг с другом, как лед и пламень. Несовместимы во всех отношениях, которые для него важны.

— Хватит уже думать об этом, просто возьми и сделай! — раздраженно бросил Шейн, выражение его лица вполне соответствовало тону.

Джеймс не стал даже пытаться объяснить брату то, чего он все равно не поймет.

— Разве нам не надо перетаскивать коробки?

— Чушь собачья, — сказал Шейн.

— Очень остроумно, — ответил Джеймс.

— Ну, если ты не собираешься ничего по этому поводу принимать, то хотя бы не клюй на ее наживку. Она тебя подзуживает, и ей нужна твоя реакция.

— Я уверен, что ей от меня вообще ничего не нужно.

Джеймс повернулся к брату спиной и поднял коробку, одновременно обдумывая слова Шейна.

Джеймс задумался, почему все-таки он постоянно с ней схлестывается? Он больше ни с кем не ругался. И, насколько Джеймс мог судить, он был единственным человеком, с которым Грейси не ладила. Уж не были ли эти пререкания его неосознанной попыткой привлечь и удержать ее внимание? Такой вариант Джеймс не мог исключить. Как его отбросить, когда при мысли об ее остром язычке он начинает возбуждаться. Может, костер разводит и она, но он точно добавляет огня. Если он вступает в перепалки с Грейси и соревнуется с ней в остроумии, значит, у него должен быть какой-то мотив. И ему нужно будет проанализировать этот мотив, но не сейчас, а позже, когда она не будет отвлекать его своим присутствием.

Но Шейн верно заметил, не поддаваться на ее подначивания — вполне реально, он может это сделать. В конце концов, ему предстоит провести в ее обществе целый уикенд, а это более чем веская причина попробовать держаться радушно и посмотреть, что из этого выйдет. Уж сорок восемь-то часов он продержится, оставаясь вежливым и приятным. Джеймс еще повертел в уме эту мысль, рассматривая ее с разных сторон, и не усмо-

трел в ней ничего плохого. Это будет хорошим тестом на реакцию Грейси и его собственную. Станет ясно, что такое эта вражда между ними — просто дурная привычка или единственный способ справиться с подспудным и очень неудобным влечением между ними. Пока что Грейси это влечение откровенно игнорирует, а Джеймс пытается с ним бороться. После того, как он проведет этот эксперимент и изучит его результаты, он сможет разработать разумную гипотезу и план действий.

Джеймс сказал себе, что он будет с Грейси любезным и не станет обращать внимания на ее шпильки. Умеет же он изо дня в день вежливо общаться с коллегами по университету и множественством студентов, сумеет так же вести себя и с ней. Задача должна быть не такой уж сложной, ведь речь идет всего об одном уикенде.

Глава 2

Пятью часами позже Грейси устала до изнеможения и на чем свет кляла большую кладовку Сесилии. В дальнем углу кладовки, на самой верхней полке стояла коробка с обувью, и Грейси никак не могла до нее дотянуться. Она вставала на цыпочки, выжимая все что можно из своих пяти футов шести дюймов роста, но сумела лишь коснуться этой коробки кончиками пальцев и при этом только оттолкнула коробку еще глубже, теперь до нее было вообще не добраться.

— Черт!

Она предприняла еще одну попытку, но коробка была недотягаема.

— Давай я помогу, — раздался за ее спиной глубокий низкий голос.

Вскрикнув от неожиданности, Грейси резко обернулась и увидела Джеймса: он стоял, прислонившись к дверному косяку. Она прижала руку к бьющемуся сердцу.

— Ты меня напугал.

— Прошу прощения. — Он выпрямился. — Давай я тебе помогу.

Грейси посмотрела на него с подозрением.